

УДК 94(47):303.4 (575.2) (04)

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ

Гульмира Джунушалиева

Рассматриваются концептуальные подходы западных политологов к изучению истории Советского Союза.

Ключевые слова: советская история; СССР; модернизация; сталинизм; развал Советского Союза.

В академической науке Запада под влиянием публикаций в прессе и работ западных советологов сложились две парадигмы, определяющие дискуссии о существовании Советского государства и о причинах крушения социалистической системы. Для одних ученых советская история является опасным и ошибочным экспериментом над обществом. Например, Мартин Малия считает, что история СССР была «великой утопической авантюрой нашего столетия» [1, с. 1]. Хотя Советская власть не смогла реализовать свой проект, тем не менее, ей удалось создать «чудовищную антиреальность, или перевернутый мир». По его мнению, этот мир явился результатом попытки, которая диктовалась идеологическими установками партии, создать «полный или интегральный социализм», «полный некапитализм» [1, с. 8, 34]. Согласно данной парадигме, большевики пришли к власти в результате политического переворота, совершенного за спинами народных масс и вопреки их желанию. Поскольку партия не выражала волю большинства общества, режим нуждался в сильном пропагандистском аппарате, монополии на средства связи и культурное производство, а также в разветвленной системе силовых органов, чтобы обеспечить свое пребывание у власти и контролировать различные проявления инакомыслия масс. Таким образом, история советского общества и могущественное Советское государство рассматривались сторонниками данной концепции как проявление наихудших традиций русской истории (самодержавие, аристократия, крепостное право и сибирская ссылка) [2; 3, с. 115–181; 4; 5].

В оценке причин провала советского эксперимента исследователи видят различные основания: человеческая природа, русский характер и тип русского общества. Наиболее распространен-

ная версия советской истории нашла отражение в концепции тоталитаризма. По этой концепции советский коммунизм увязывается с фашизмом и объявляется террористическим, стремящимся к мировому господству [6–8]. По мнению исследователей, тоталитарное государство атомизирует общество и делает его неспособным к эффективному сопротивлению. В отличие от авторитарных режимов тоталитарные неизменны и неизменяемы, а потому с ними западные демократии сотрудничать не могут. Перемены в тоталитарных государствах могут возникать только в связи с их полным уничтожением, под влиянием внешнего вмешательства или с развитием внутренних противоречий. В контексте данного подхода в истории Советского государства размываются границы между различными периодами, взаимоотношения государства и общества остаются неизменными. Все изменения политического, экономического и социального характера на разных этапах истории СССР представляют собой простую смену декораций.

Данная парадигма имела широкое распространение в годы холодной войны, стала менее популярной в 1960–1970-е гг. прошлого века – период разрядки и мирного сосуществования оппозиционных экономических систем – и вновь набрала силу после развала Советского Союза, с незначительными изменениями объясняя причины эволюции и краха советского режима. Описывая советскую историю, исследователи употребляют термины: «трагедия», «утопия», «эксперимент».

Вторая аналитическая парадигма изучения советской истории сложилась в западной советологии на последнем этапе холодной войны в 1960–1970-е гг. и подверглась серьезной переоценке в 90-е. По данной концепции Совет-

ский Союз предстает как альтернативный путь социально-экономического развития. В отличие от более ранних исследователей, сочувствующих социализму советского толка, сторонники “*developmentalist school*” признавали политические репрессии сталинизма. По их мнению, советская власть отошла от практики массового террора после смерти Сталина, поэтому повторение террора маловероятно и советское общество пусть медленно, но движется в сторону урбанизированного, самостоятельного общества современного типа. В годы становления школы социально-экономического развития социальные науки находились под влиянием теории модернизации и одной из ее ответвлений – теории конвергенции. Эти теории изменили восприятие облика СССР западными исследователями, сделав образ врага западной демократии более терпимым и менее жестоким [9–11].

С новым витком развития социальной истории в 60-е гг. советский режим вновь привлекает внимание Запада, при этом особый интерес вызывает 1917 г. Историки нового направления предложили совершенно другую интерпретацию событий и процессов Октябрьской революции, отказавшись от описания революции как заговора, у которого отсутствовала массовая поддержка. Исследователи обратили внимание на то, что под влиянием ряда факторов – продолжающаяся война, экономический кризис, сотрудничество умеренных социалистов с буржуазным Временным правительством – произошла радикализация солдат и рабочих Петрограда, которой также способствовала успешная большевистская мобилизация вокруг более демократических по своему социальному составу органов власти – Советов [12–16; 17, с. 3–5].

Другие историки, так называемые “ревизионисты”, усомнились в тезисе о всеохватывающем государственном контроле над советским обществом. Они утверждали, что общество в период правления Сталина сохраняло некоторую автономию собственной жизни благодаря существованию определенных механизмов, способствовавших сохранению пусть минимального, но личного пространства членов общества [18, с. 357–373; 19–24].

Тоталитарная парадигма изучения советской истории постепенно утратила свое влияние, поскольку она так и не дала внятного объяснения переменам в Советском Союзе после 1953 г., полностью игнорировала происходившие в тот период процессы в обществе, нерелексивно отождествляла коммунизм с фашизмом. Вто-

рую парадигму западной советологии можно назвать парадигмой модернизации [25]. Она представляла СССР не статичным или в состоянии стагнации обществом, а обществом, в котором постоянно проходили реформы и трансформации революционного характера. Представители ревизионистской школы обратили внимание на различия между ленинским и сталинским периодами советской истории. К примеру, сталинский отказ от ленинской интернациональной программы, сворачивание поддержки развития национальных культур внутри Советского Союза, насильственная коллективизация крестьянства требовали физического устранения большинства близких соратников Ленина в 30-е гг. Или, по их мнению, политика М. Горбачева демонстрировала перспективу для поворота советской системы к демократии (*transition to democracy*). Несмотря на то, что модернизация в Советском Союзе и мировой социалистической системе рассматривалась как часть общих процессов, которые происходили в странах капиталистической системы и третьего мира, особенно подчеркивался специфичный характер советского варианта модернизации.

Основоположником *теории модернизации* являлся М. Вебер. Выдвинута она была как некая альтернатива марксизму, который предполагал революционное преодоление капитализма и западного парламентаризма. И первая, и вторая теории основывались на линейном развитии общества к прогрессу. Одним из сильных аргументов против основных положений теории модернизации является то, что фактически ценой за быструю модернизацию общества стали массовые политические репрессии, коллективизация и индустриализация, что в определенном смысле служит оправданием наиболее худшим проявлениям социализма по-советски, и феномен сталинизма объявляется исторической необходимостью. Традиционная критика марксизма и теории модернизации советской историографии касалась исключительности советского опыта построения социализма, а отрицание этой исключительности ведет к размыванию принципиальных различий между советским блоком и Западом [26].

В последние постсоветские десятилетия в западной советологии складывается третья парадигма изучения истории Советского государства – *теория модерности*. Если сторонники теории модернизации за основу брали концепцию прогрессивного движения от традиционных к индустриальным обществам с высоким уровнем урбанизации, то “модернисты” за основу анализа взяли наследие Просвещения, которое было

общим и для Западной Европы и для России с Советским Союзом. Со сменой акцентов изменились и задачи научных исследований: от изучения характеристик государств с незавершенной модернизацией (фактически к ним относятся государства постсоветского пространства) к изучению общего контекста развития различных государств и систем в Новое и Новейшее время (исходя из советской периодизации). Поколение историков-модернистов подвергло ревизии представления, принятые в историографии о принципиальном различии России имперского периода и России, модернизирующейся Советским Союзом. Как понятие, употребляемое социальными науками, модернизм используется для описания комплекса идей и установок эпохи Просвещения. Анализуются исторические процессы эпохи с точки зрения борьбы новых веяний времени (рациональное поведение членов общества, рост социальной мобильности, приспособляемость к изменяющимся условиям жизни, экономический рост, высокий уровень гражданской культуры общества) и традиционного уклада аграрного общества.

Одним из первых исследователей, предложивших свой взгляд на историю советского государства, основанный на отрицании модернизации в пользу модерности, был Мартин Малия. Он считает советскую историю трагедией из-за стремления к совершенному равенству, справедливости и миру, к “прометеоподобной технологической власти, которая и составляет существо “модерности” [1, с. 4]. Малия критикует западную советологию за то, что она способствовала фундаментальному непониманию советской системы. Это направление в науке выдвигало идею о возможности реализации социализма в рамках советской системы, принижало значение идеологии и политики в пользу социально-экономического базиса, излишне преувеличивая значимость усвоения опыта разных культур и политических систем. С точки зрения Малия, советское руководство последовательно и планомерно пыталось реализовать полный интегральный социализм, т.е. полный некапитализм (ликвидация рынка, частной собственности и коммерческой доходности). Значение идеологии в данном процессе имело первостепенную значимость, она стояла в центре причинно-следственных связей. “... Не существует такой вещи, как социализм, Советский Союз его построил”, – утверждает М. Малия [1, с. 496]. Поскольку идея социализма недостижима и нереализуема, единственный способ сделать ее реальностью – террор, который был введен в практику Лениным и Сталиным”.

На наш взгляд, концепция Мартина Малия вполне убедительна, но имеет свои слабые места. Он отмечает в своей работе, что объективный, независимый от ценностных суждений, подход в истории СССР невозможен. Социальная история, по мнению Малия, является “идеологической попыткой объяснить советскую систему как результат деятельности народа, т. е. показать ее легитимность с точки зрения демократических принципов” [1, с. 19]. Но в то же время сам повторяет, слегка изменив формулировку, идеологически обусловленный догмат Запада в отношении СССР.

Следующий исследователь, рассматривающий социализм как одно из проявлений модерности, Стивен Коткин близок к точке зрения М. Малия.

С. Коткин предлагает двойную стратегию в анализе советской истории:

- исследование “того содержания, которое вкладывали в понятие социализма режим и население на разных временных этапах, вплоть до 1991 г.;
- сравнение советской практики с опытом других современных стран [28, с. 400].

Соглашаясь со своим учителем М. Малия во мнении, что советское государство было радикальным проявлением модернистских идей, С. Коткин утверждает, что советская система была новой цивилизацией на уровне самоописания, поскольку создала новые социальные структуры и отношение к собственности, социальное государство, самодостаточную культуру, новый тип государства и собственный язык. По его мнению, большевики взяли за основу идею прогресса в социальной жизни общества с целью достижения рационального общественного устройства. В своей работе “1991 год и российская революция...” ученый привлекает внимание к тому факту, что марксизм, как другие просвещенческие проекты, был прогрессистской и самопровозглашенной научной системой. Прогресс “являлся основным языком модерности” [28, с. 30], ирония ситуации заключалась в том, что преодоление капитализма должно произойти только в том случае, если страна пройдет через индустриализацию и урбанизацию, окажется способной мобилизовать население и дать ему образование, т. е. способной стать “более” западной. Спецификой советского социализма явились два источника: просвещенческий проект социальной рационализации и особенности российской геополитики, истории и культуры. Стивен Коткин приходит к выводу, что СССР был частью европейской истории, а не чуждым ей

отклонением. Таким образом, он помещает Советский Союз в контекст современных индустриальных социальных государств и приходит к выводу, что сегодняшний кризис постсоциализма следует воспринимать “как кризис нашего собственного общества” [28, с. 366].

История Советского Союза пишется, исходя из крушения государства в 1991 г. В то же время одни исследователи говорят, что распад СССР был заложен в генетический код революции 1917 г., а другие отрицают предопределенность гибели советской системы. З. Бауман, по мнению Рональда Суни, своеобразный марксист-постмодернист, считает, что исчезновение коммунизма положило начало новому, еще неизвестному нам миру – миру без коллективных утопий, без осознанной альтернативы самому себе [17, с. XXV]. По его мнению, и капитализм, и социализм являлись вариантами модерности XIX в., “семейной ссорой внутри модерности” [17, с. 221, 222].

Советский Союз как проект, предлагавший новые возможности социального переустройства, является попыткой реализации некоей мечты об идеальном обществе без классового неравенства, о справедливом и разумном государстве, истоки которого обнаруживаются еще в знаменитом трактате Томмазо Кампанеллы “Город Солнца”, написанном в начале XVII в.

Литература

1. *Martin Malia*. The Soviet Tragedy a history of Socialism in Russia. 1917–1991. New York, 1994.
2. *Nicholas S. Timasheff*. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946.
3. *Edward L. Keenan*. Muscovite Political Folkways // *Russian Review*. 1986. Vol. XLV. N. 2.
4. *Robert C. Tucker*. Stalin as Revolution. 1879–1929: A Study in History and Personality. New York, 1973.
5. *Robert C. Tucker*. Stalin in Power: The Revolution From Above. 1928–1941. New York, 1990.
6. *Ханна Арендт*. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой и др.; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.
7. *Barrington Moore Jr*. Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship. Cambridge, 1954.
8. *Carl J. Friedrich, Zbigniew K. Brzezinski*. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956.
9. *Raymond A. Bauer, Alex Inkeles, Clyde Kluckhohn*. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological and Social Themes. New York, 1961.
10. *Alex Inkeles, Raymond A. Bauer*. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, 1961.
11. *Moshe Lewin*. Political Undercurrents of Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers. Princeton, 1974.
12. *William G. Rosenberg*. Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917–1921. Princeton, 1974.
13. *Alexander Rabinowitch*. The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. New York, 1976.
14. *S.A. Smith*. Petrograd 1917. Cambridge, 1980.
15. *Allan K. Wildman*. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers Revolt. March–April 1917. Princeton, 1980.
16. *Diane Koenker*. Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981.
17. *Ronald Grigor Suny*. Toward a Social History of the October Revolution // *American Historical Review*. 1983. Vol. LXXXVIII. N. 1.
18. *Sheila Fitzpatrick*. New Perspectives on Stalinism // *Russian Review*. 1986. Vol. XIV. N. 4.
19. *Sh. Fitzpatrick*. Cultural Revolution in Russia. 1928–1931. Bloomington, 1978.
20. *J. Arch Getty*. Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered. 1933–1938. Cambridge, 1985.
21. *Lynn Viola*. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York, 1987.
22. *Hiroaki Kuromiya*. Stalin’s Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928–1932. Cambridge, 1988.
23. *Lewis H. Siegelbaum*. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. 1935–1941. Cambridge, 1988.
24. *Gabor Tamas Rittersporn*. Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflicts in the USSR. 1933–1953. Chur, Switzerland, 1991.
25. *Эйзенштадт III*. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999.
26. *Ronald Grigor Suny*. Socialism, Post-Socialism, and the Appropriately Modern Thinking about the History of the USSR // *Ab Imperio*. 2002. № 2.
27. *Orlando Figes*. A People’s Tragedy: A History of the Russian Revolution. New York, 1996.
28. *Stephen Kotkin*. 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytical Frameworks // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. LXX. N. 2.